

МЁДОВА А.А.

УСЛОВИЯ МЫСЛИМОСТИ СОЗНАНИЯ

Человеческое сознание всегда являлось объектом философского исследования. Для самопонимания человеку немаловажно иметь представление об устройстве собственного сознания, так как оно обуславливает все остальные формы существования. Каким же образом возможно исследование сознания? Ответ на этот вопрос будет зависеть от того, что понимается под сознанием.

Согласно классической материалистической версии, сознание – высшая форма отражения действительности, синтез познавательной, языковой, чувственно-волевой и психической активностей. Большую роль в функционировании сознания играет умение оперировать *значениями* и способность к *опосредованию*.

Другой модус понимания сознания – это интерпретация его как рефлексивно осознанной самотождественности человека, как способности человека выделять себя из объективного мира и осознавать свое отношение к реальности. В данной интерпретации сознание – это вообще способность к какому-либо *отношению* к объектам, связанная с определенной позицией вненаходимости человека миру, с позиционированием им себя как *иного* по отношению к окружающему, из чего следует чисто человеческое деление бытия на *внутреннее* и *внешнее* [1].

В психоанализе сознание понимается как своего рода орган чувств для восприятия психических качеств, т.е. сознание – это то, что в данный момент контролируется человеком и прозрачно для него самого. Сознание лишь качество, которое может присоединиться или не присоединиться к отдельному душевному акту, но которое никогда ничего не меняет в нем. Таким образом, сознание в данной концепции есть чисто описательный термин.

Очевидно, что уже первое приближение к проблеме сознания открывает её неоднозначность, поскольку каждое специфически человеческое проявление, по

сути, нужно считать сознательным. Такая неоднозначность связана с тем, что сознание не является объектом опыта; мы не можем непосредственно усматривать изначальные (а не ближайшие) причины наших действий, т.е. механизмы сознания, их породившие. В связи с этим буддийская и постмодернистская философские традиции утверждают невозможность нахождения каких-либо принципов сознания и рассматривают последнее как «отсутствующую причину» [2].

Встает необходимость задаться вопросом, каким образом наше собственное сознание может быть открыто нашему же пониманию и анализу. Могут ли принципы реакции на мир и реакции сознания на самого себя быть идентичными? Или самосознание и сознание внешнего бытия принципиально различны? Правомерно ли вообще полагать такой объект, как самосознание, или же сознание «не нуждается» в механизмах самокоммуникации? Таким образом, философское изучение сознания сопряжено с проблемой условий его мыслимости.

Сама идея постановки проблемы познания чего-либо как проблемы *условий мыслимости* по происхождению своему чисто феноменологическая. Она берет свое начало от критицизма Канта. То есть в трансцендентальной философии речь идет не о том, что представляет собой объект познания, а о том, при каких условиях мы вообще можем мыслить о данном объекте. Какие именно условия будут считаться необходимыми для мыслимости сознания будет зависеть от той традиции, внутри которой происходит мышление о сознании, т.е. опять-таки от того, что именно понимается под сознанием. Согласно наблюдению известнейшего отечественного исследователя проблем сознания В.И. Молчанова, в философских учениях при описании сознания, как правило, речь идет не столько об объективном исследовании форм субъективности, сколько о формировании понимания сознания, которому соответствует определенное понимание объекта [3, 97].

Философия психоанализа полагает, что содержание бессознательного существует «внутри» него в символической форме. Следовательно, для того, чтобы мы могли что-то знать о работе сознания и бессознательного, нужно как минимум два условия: наш опыт переживания своей внутренней жизни должен иметь статус достоверного и подлинного и – второе - наше сознание должно иметь в качестве ментального «инструмента» способ декодировки данных бессознательного. Собственно, выходит, что важнейшие элементы сознания (например, архетипы) сознанием же зашифровываются, и им же распознаются, принимая рациональную форму (мы понимаем сознание и бессознательное в данном случае, как единую «территорию»).

В качестве условий мыслимости чего-либо Кант и Гуссерль рассматривали работу определенных рациональных функций сознания: то есть, мы можем понимать что-либо при условии, что активизированы определенные механизмы и интенции нашего разума. С другой стороны, Мамардашвили рассматривает в качестве условий мыслимости некое объективное положение дел, говоря о «тропах» в реальности, фундирующих возможность разумной деятельности (это положение с очевидностью просматривается, к примеру, в его работе «Сознание и цивилизация»).

Пятигорский, принадлежащий к той же интеллектуальной традиции, что и Мамардашвили, вводит новое условие мыслимости сознания. Поскольку «никакое знание о нормальном, естественном мышлении принципиально невозможно на основании и сточки зрения того же самого мышления», то сознание мыслимо только при наличии позиции так называемого «внешнего наблюдателя», т.е. оно мыслимо только как релятивное в отношении другого сознания, наблюдающего первое [4, 29-33]. Можно сказать, что это требование присуще всей феноменологической парадигме, не случайно Кант постоянно писал о других возможных формах сознания, мышления и восприятия и даже пытался в «Критике чистого разума» конструировать сознание Бога, не

нуждающееся в чувственном созерцании, но обладающее созерцанием интеллектуальным [5].

Таким образом, феноменология, занимающаяся преимущественно анализом внутренних структур сознания, выдвигает фундаментально условие мыслимости последнего: должна иметься возможность *не абсолютной обусловленности сознания его же принципами*. Т.е. наше сознание нельзя мыслить, если его нельзя схватить в «чистом» виде, в момент его не связанности собственными закономерностями. Иначе оно будет мыслить себя по собою же заданной ментальной схеме, и мы не получим о нем позитивного знания. На эту проблему с различных позиций указывали многие философы. В частности, Левинас в своей работе «Значение и смысл» последовательно проводит мысль о невозможности полагать сознание, исходя из его самотождественности. «[В этическом действии] Я утрачивает верховенство своего самосовпадения, самоотождествления, в котором сознание, торжествуя, возвращается к самому себе и успокаивается на самом себе... У философов же сознание есть сущностно рефлектирующее сознание. По крайней мере, философы схватывают сознание в его миг возврата, принимаемый за самое его рождение» [6, 105-107]. Таким образом, Левинас критикует рационально-рефлексивные процедуры анализа сознания, как метод с предрешенным результатом, не допускающий, что у значения вообще может быть трансцендентальная цель.

Данное условие, т.е. возможность определенной свободы сознания-мышления от самого себя, интерпретируется феноменологами как бытийственная ценность. Так Пятигорский отвечает на вопрос, чего он хочет и боится: «Я все время – я не преувеличиваю – хочу именно такой разговор, который был бы случаем высвобождения моего мышления из пут его, этого мышления, и моих собственных контекстов. Да, я очень боюсь прекращения такого разговора как утраты самой возможности отрыва от контекстов *сейчас*» [4, 12-13]. То есть, настоящее мышление, согласно Александру Моисеевичу, возможно только в